

"Клянусь богом, которому служу, что буду молиться от всего сердца". Сунь У Ма Го склонилась в поклоне.

Му Ссан стер последние подозрения. Сунь У Бан На и ее дочь доказали свою состоятельность. Было много моментов, на которых следовало заострить внимание в связи с распространением Му Сунь У Бан На.

Мировоззрение и взгляды Му Ссанга были давно переплетены с буддизмом и даосизмом. Боги Му были пантеонами. Они были приняты и включены в жизнь корейцев без дискриминации того или иного.

Это был вопрос, который заставил бы христиан прыгать от страха, но со временем Мария и Иисус могли занять уголок Му и стать благородными богами или воплощениями богов. Ладить и сосуществовать было одним из очарований пантеонов. Их также можно было использовать как общую почву для социальной интеграции.

Храмы начали проникать в города, распространяясь за горы и реки. Храмы охватывали как города, так и сельскохозяйственные угодья. Шаманские храмы могли стать широко распространенными, как святилища в Японии. Хотя это и была всеобъемлющая идея, было бы хорошо, если бы шаманизм стал тем клеем, который держит общество в единстве.

Му Ссанг достал чековую книжку и подписал чек на 100 000 франков. Подобно тому, как он распространял свои идеалы в Новатопии, он хотел посмотреть, как они собираются распространять свою веру.

"Ваша решимость спасти то, что принадлежит вам, достойна похвалы. Религия должна существовать только как религия. Помните, что религия становится запятнанной в тот момент, когда она связывается с властью и деньгами. Она должна конвертироваться примерно в 30 000 000 вон. Не забудьте обменять их в BNP Paribas".

"Нет, нет, невозможно! Этого не может быть. Эта девушка и ее дочь взяли на себя большой долг только по вашей милости. Пожалуйста, возьмите их обратно". Удивленные, и мать, и дочь вскочили на ноги.

"Вы можете считать это платой за службу моему отцу или средствами для поддержания вашего бизнеса Му. Основа Му, насколько я знаю, это ревность и сочувствие. Ревность и сочувствие - это как две стороны одной медали.

Зависть может усилить мотивацию или стать оружием, которое вредит самому себе, пытаясь увлечь за собой других. Шаманские ритуалы похожи на фестивали. Он может стать прямым путем, помогающим разрешить внутреннюю ревность и вызвать сочувствие. Надеюсь, вы достигнете хороших результатов".

Му Ссанг вручил им чек и без сожаления отвернулся. Хотя он мог сочувствовать им, он не хотел принимать в этом активное участие. Шаманы были крайне эгоистичны. Для развития эгоцентричной религии требовалась объединяющая программа. Несмотря на то, что синто существует уже тысячу лет, оно оставалось замкнутым в Японии. Это произошло потому, что он был зажат в эгоистичных и личных рамках, без интегрированного или универсального мировоззрения. То же самое было и с Му. Чтобы она развивалась как религия, шаманы должны были измениться сами.

"Великий Бог, эта девушка хотела бы следовать за тобой!" воскликнул Сунь У Бан На, когда Му Ссанг уже собирался покинуть помещение.

"Нет. У тебя есть своя работа. Ты достигнешь хороших результатов, если твой образ мыслей останется неизменным даже через несколько лет".

Ответ прозвучал издалека, далеко внизу долины.

"О, благочестивый человек этого мира!"

Сунь У Бан На и Сунь У Ма Го не встали с поклона. Хотя Му Ссан провел черту и исчез, никто не мог разгадать намерений Неба. Визит великого Бога Асуры стал ниточкой судьбы для матери, Сунь У Бан На, и дочери Левого Боевого Зала, приведя их в Новатопию.

Вскоре угол пяти мудрецов и угол Семи Ходжан, известный как жестокий молот, будут заняты парой матери и дочери. Даже Сунь У Бан На не могла прочесть свое будущее, несмотря на то, что наследие великого заклинателя Чон У Чи жило через нее.

"Я должен продавать ноги, черт возьми", - жаловался Му Санг в чернильной темноте.

Облака закрывали небо, словно вот-вот должен был пойти дождь. Он не мог разглядеть ни луну, ни звезды. Хотя он съехал с шоссе Синханри, он не увидел ни одной проезжающей машины.

От Гатбави до Сусон-гу было более 60 километров по дороге.

У Му Ссанга не было свободного времени или он был настолько расслаблен, чтобы ждать машину бесконечно долго. Он пробежал от Синханри до горы Хвансон в Чхонтоне, через гору Нынчхон и направился прямо в Сусон. Он был похож на гоблина в полночь.

От Гатбави до Донгдэгу было 15 километров, а от Донгдэгу до реки Кымхо - 16 километров. Му Санг прыгал по крышам зданий и за 30 минут преодолел и горы, и города. Передвижение с потрясающей скоростью было еще одной ужасающей способностью, которой обладала Черная Мамба.

На холме возвышался большой дом, похожий на чудовище - это был дом его дяди после того, как он переехал из деревни мостов. Внутри него бурлили эмоции. Он представил, как покидает дом своего дяди. В тот день шел сильный снег. Спустя десятилетие он снова стоял перед домом своего дяди. У его визита не было цели. Он планировал разобраться в ситуации, когда у него будет время. Это позволило бы ему впоследствии медленно затягивать петлю на их шеях. Если там будет Хва Чжа, он планировал похитить ее, чтобы выведать информацию об их нынешнем положении. В последнее время у него были плохие предчувствия. Франция была не такой уж праздной страной для Бонипаса, чтобы сидеть и ничего не делать полгода.

Sss-

Му Санг скользил по резиденции как в тумане. Он ступил на большую сосну в саду и полетел по воздуху бесшумно, как сова.

Барк -

Пастух, бродивший по лужайке, поднял голову. Другой пастух, сопровождавший его, поднял уши.

"Заткнись, идиот!"

крикнул кто-то из караульного помещения рядом с парадным входом.

Эти ублюдки очень чувствительны. Му Ссанг щелкнул языком по крыше рта.

Хотя он и не использовал становление единым целым с природой, пастухи все равно заметили его. Чувства собаки были несравнимы с человеческими.

На крыше вспыхнули два синих огонька.

Даже тигры не смогли бы бороться с такой сильной жаждой крови.

Woof-

Обе овчарки подпрыгнули на месте, поджали хвосты и поспешили в свой собачий дом.

Что они делают так поздно? Я должен подслушать.

В доме было больше одного человека. В главном доме было десять человек, а в маленьком здании рядом с ним - пять. Му Санг небрежно улегся на крыше и прислушался.

Хрустальная люстра, свисающая с потолка, ярко освещала гостиную, которая была размером с игровую площадку островной деревни. Лица мужчин и женщин, сидевших на круглом диване внизу, были мрачными и тусклыми. Все они выглядели так, будто жевали коровью кишку. Никто не притронулся к кофе Luwak, цена одной чашки которого равнялась цене пяти мешков риса.

Это были основные члены семьи Джанг. Здесь были Чжан, ее отец Чан Кён Джу, братья Чан Джи Су и Чан Сан Су, дядя Чан Кён Мо, двоюродный брат Чан Чхоль Су, двоюродные братья по отцовской линии Чан Кён Тек и Чан Кён Нам, а также шестой двоюродный брат Чжан. Хотя взрослые члены семьи часто посещали свой дом в Сусоне после выпуска конвертируемых облигаций, это был первый раз, когда они собрались все вместе.

Сегодняшняя встреча была посвящена процентам по облигациям. Старейшины собрались на встречу с Пак Ин Бо, потому что приближалась дата выплаты шестипроцентных процентов, и это было для них невыносимо. Они пришли, чтобы попросить о переводе.

Пятилетний ребенок рассмеялся бы, услышав, что семья Чан испытывает трудности из-за процентов, но реальность была адской. Что еще они могли сделать? Как ситуация стала настолько плохой? Все дело в том, что Пак Ин Бо поручил Ма Сам Шику распространять злые слухи.

Слухи о том, что семья Чжан срочно продает свою землю, быстро распространились. Все покупатели ждали, пока цены упадут. В итоге приманки сработали, когда цены упали на 60-70 процентов от рыночной.

Конечно, их план по привлечению средств провалился. Последствия взятия кредитов, чтобы заполнить этот пробел, были огромными и глубокими. Всего за шесть месяцев семья Чжан впала в состояние подавленности.

"Племянник, ты уведомил полицию?"

Чан Чхоль Су покачал головой на вопрос Чан Кён Джу.

"Не только в Индоне, но и в Гуми и Сонсане люди обсуждают нашу семью за выпивкой. Какой

смысл докладывать им, если это только навредит репутации нашей семьи?". Чан Чхоль Су ответил с мрачным лицом.

"Как я уже сказал, брат, ты совершил ошибку. Вместо того чтобы задерживать их, ты должен был передать их полиции".

Их шестой двоюродный брат, Чан Ён Су, ругал Чан Жи Су, прямого наследника. Это было зрелище, которое не могло иметь места в прошлом. Однако семейный кризис пошатнул основы их иерархии, которые раньше были тверды, как бетон.

"Что ты говоришь? Какой смысл передавать их полиции, если нет никаких доказательств? Мы можем только сами копать и искать интригана, стоящего за всем этим".

"Тогда надо было вызвать полицию для защиты".

"Прекрати, молодой Су. Откуда твой брат мог знать, что члены уличной банды нападут на наш главный дом?" Чан Чхоль Су отругал Чан Ён Су.

Его голова раскалывалась от всех этих обвинений, которые продолжались, как посиделки в доме бедняка. Раньше их семья была прочной, как глыба.

Прошлой ночью им удалось поймать двух человек, ответственных за распространение слухов. Чан Ги Су запер их в своем сарае, планируя сам стоять на страже. Однако через час после того, как их заперли, в дом ворвались несколько членов банды. Молодые люди и работники дома сопротивлялись, но были избиты в одностороннем порядке членами банды, которые несли железные трубы и мотоциклетные цепи.

Члены банды разрушили их сарай, схватили обоих, которых держали в заложниках, и исчезли как ветер.

Инцидент, произошедший в главном доме, ошеломил старейшин семьи. До сих пор их семья никогда не сталкивалась с подобными неприятностями. Однако они никогда бы не догадались, что именно Пак Ин Бо передал информацию Ма Сам Шику.

"Вот проклятые ублюдки! Нас дразнят угрём, как дракона, упавшего в озеро, и всё такое".

Чан Кён Джу скрипел слабыми зубами, но слова его племянника не были ошибочными. Весь мир перевернулся с ног на голову, так что же еще им оставалось делать?

"Брат, давай забудем об этих бандитах и закончим то, что мы обсуждали".

"Хорошо."

Чан Кён Джу кивнул.

"Пак Шил[1], ты сказал, что твой муж Пак не может помочь нам с фондами?"

"Да, простите. Он пришел в ярость из-за моей просьбы, хотя я знаю, что у него сейчас не хватает средств на строительство."

Чжан опустила голову. Она попросила мужа о временном займе, но получила холодный отказ. Она чуть не упала в обморок, когда он попросил ее заплатить налоги, которые ему придется заплатить за приостановленные квитанции генерального директора, если она хочет получить его деньги.

"Хаааа, что же нам делать? Мы получили удар в спину доверенным топором, не так ли?"

Казалось, что земля провалилась под землю от вздоха Чан Кён Джу. Сердце Чжан разрывалось на части. Она хотела умереть от чувства вины за то, что нарушила пенсионный план своего отца.

"Неужели мы ничего не можем сделать с этой конвертацией? Это всего лишь 100 000 акций, даже если мы конвертируем их в акции. Что нам делать в этой ситуации?" - повторил ее отец те же слова, что и раньше.

Ее дядя добавил: "Я скоро сойду с ума. Брат, у тебя есть некоторая свобода действий, но у меня нет ничего. Я продал все свои магазины, занял у банка 100 000 000 вон, и долг составляет 200 000 000 вон. Только месячные проценты составляют более 10 000 000 вон. Компания может стать нашей, если мы конвертируем ее в акции, но какой в этом смысл? Джил Ньюх[2], что ты собираешься делать с этой ситуацией?"

"..."

Как обычно, Чжан нечего было сказать. Скорее, она не знала, что сказать.

Прошло два месяца с тех пор, как ее дядя начал говорить эти слова. Он не пропускал ни слова, как заевшая пластинка. Ей тоже нечего было сказать, ведь это они с братом втянули старейшин в это дело.

"Пак Шил, у меня внутри все скрутило. Скажи что-нибудь. Мой долг составляет 80 000 000 вон. Проценты в этом месяце - 300. Пока брат Кён Мо в беде, я скоро буду сидеть на улице из-за этого долга. Сделайте что-нибудь".

Ее второй троюродный брат заплакал, ударив рукой по столу.

Наступила тишина.

Чжан не отвечала. Ей тоже хотелось плакать от разочарования. Постоянное нытье старших расстраивало ее еще больше.

3 000 000 000 вон в фондах приобретения были не просто детским именем для такого крупного землевладельца, как семья Чжан. Члены филиала и члены главного дома, которые были зажиточными, с нетерпением отправились в путь. Атмосфера была хорошей. Поскольку всем им не терпелось приобрести облигации, они решили провести семейное собрание, чтобы распределить конвертируемые облигации.

На собрании было решено, что их старший сын Чан Ги Су получит 1 500 000 000 вон, дядя Чан Кён Мо - 500 000 000 вон, двоюродный дед по отцу Чан Кён Тек - 250 000 000 вон, а младший двоюродный дед по отцу Чан Кён Нам - 250 000 000 вон.

Рыночная цена сельскохозяйственных угодий в Индоне составляла от 3 000 до 4 000 вон за пхён. Рыночная цена обработанных рисовых полей стоила еще 1 000 вон. Если посчитать просто, то при средней цене в 4 000 вон за пхенчжонг, на 3 000 000 000 долговых обязательств приходилось бы 3 750 маджиги[3] рисовых полей. Это была ошеломляющая сумма.

Они провели еще одно собрание и решили выставить на продажу 2 500 маджиги. Остальную сумму они решили взять в кредит в банке. Этой суммы семье хватило, чтобы выстоять.

До этого момента они были в настроении веселиться. Однако ситуация внезапно изменилась к худшему, когда поползли слухи.

Покупателей не находилось, а злобные слухи продолжали распространяться. Сдерживая слезы, они вынуждены были продать землю по бросовой цене. Не стоит и говорить, что их двоюродный брат и шестой двоюродный брат растратили все свое состояние. С точки зрения всей семьи, 35 процентов средств на приобретение, или 1 050 000 000 вон, оказались пробиты.

Они продали больше земли и получили ипотечные кредиты, но не смогли собрать необходимые средства. Компания Sam Shik Capital появилась как раз вовремя, когда им нужно было оплатить облигации. Sam Shik Capital даже предоставил им щедрые условия.

Они предложили им трехмесячный период кредитования с процентной ставкой 1,5% в месяц до конвертации конвертируемых облигаций. Однако существовал дополнительный просроченный процент в размере одного процента в месяц. Проценты за четвертый месяц составят 2,5%, за пятый - 3,5%, а за шестой - 4,5%. Это были неплохие условия. Семья Чжан согласилась на эти условия, думая, что им придется выплачивать деньги только в течение трех месяцев.

Ситуация была серьезной. Семья ее отца в главном доме смогла раздобыть 650 000 000 вон, продав 1 300 маджиги рисовых полей, что составляло половину от их 2 700. Они заняли 350 000 000 вон у банка и 500 000 000 вон у компании Sam Shik Capital, используя оставшуюся землю в качестве залога. Главным кредитором по залогу земли был "Сам Шик Кэпитал", за ним следовал банк.

[1] Пак Шиль - госпожа Чжан. Здесь отец называет ее по фамилии мужа и прозвищу жены - Пак + Шиль.

[2] Джил Нюх - прозвище Пил Нюх, но более привычное и ласковое.

[3] Бывшая единица измерения для ферм, больших владений или земель, пригодных для посадки одного молла риса или семян зерновых.

<http://tl.rulate.ru/book/75373/2165527>